

«ПЕРЕЛЁТНЫЕ ПИСЬМА ЛЮБВИ»

(Ольга Харламова, *Сегодня день. Избранное. Серия «Поэтическая библиотека».* – М., Издательство «Время», 2023 – 184 с.)

«Сегодня день» у поэта Ольги Харламовой – избранное из десяти книг разных лет. Личность поэта в новом издании укрупнена высокой концентрацией лучших текстов. Книга вышла в серьёзном и престижном издательстве «Время», в серии «Поэтическая библиотека». Уже в её названии есть скрытая недосказанность. День – понятие объёмное и безразмерное. Это ведь не только светлое время суток, но и вечер, и ночь, и утро. День выступает не только как единица времени, но и как единица бытия. «И дольше века длится день», – сказал Пастернак, а затем повторил Айтматов. На мой взгляд, Ольга Харламова мыслит здесь в унисон с нашими классиками. «Был вечер, был день, было утро, / а ночь – как была не была. / Отчалила в лодочке утлой, / ни паруса нет, ни весла...», – пишет она. «Сегодня день» – усечённая строка одного из её стихотворений:

*Сегодня день так скуп на свет,
что в комнате темно,
но розов на столе букет
и зелено вино.*

*Сегодня день на свет так скуп,
но столько в нём тепла,
что ласка рук твоих и губ
с ума меня свела.*

*Сегодня день белёс как мел,
и всё белым-бело,
вчера ещё асфальт чернел,
да за ночь намело.*

*Сегодня тот особый день,
бывает раз в сто лет,
когда весь день лежать не лень,
не зажигая свет.*

Книга избранного ярко высвечивает интересы автора, пристрастия, тревоги и упования. Ольга Харламова – человек верующий. Как проникновенно говорит она о Пасхе: «Нет существу начала, нет конца. / Испытывая чувство постоянства, / ощупываю пальцами пространство / заветного пасхального яйца». Вера гармонизирует душу поэта, примиряет его с неизбежностью утрат. Дарит свет, даёт возможность любой будний день проживать как воскресный (стихотворение «Светлый день»). «Быть частью целого – и выше счастья нет», – говорит Ольга Харламова в стихотворении «Счастье».

Любовь – сквозная тема её стихотворений в любое время года. «Я жива одной любовью», – признаётся она. Когда женщина говорит в стихах о любви, это отнюдь не мелкотемье. Это – вселенная, это – оркестр чувств!

*Одному покою рада.
Ни добра, ни зла
нет к тебе, да и не надо,
я сожгла дотла
чувство нежное, слепое.
Малостью такой
мне даровано судьбою
обрести покой.
Без тебя вполне достойно
жизнь моя идёт,
и свободно, и спокойно –
никаких забот.*

*Мысль одна меня тревожит –
не твою ли тень
я с себя сдираю с кожей
каждый божий день?*

У Харламовой любовь носит порой оттенок неразделённости. Именно этот вид любви часто востребован в русской поэзии. Вспоминаются строки Евгения Евтушенко: «В ком дара нет любви неразделённой, / В том нету дара божьего любви». Если ты не умеешь любить в одиночестве, взаимные чувства к тебе тоже не придут. Поэзия компенсирует недостаток счастья гармонией слов. Стихи Ольги Харламовой исповедальны: по секрету – всему свету: «Ты далёк, как в небе месяц, / неприступен, как скала, / нет таких на свете лестниц, / чтоб приблизиться могла». Глава, из которой я взял это стихотворение, называется «Перелётные письма любви», по названию одной из прежних книг Ольги.

В стихах Ольги Харламовой много маленьких деталек, различных женских аксессуаров, важных для её истории любви. Платочки, фотографии, шали, поясочки, подсвечники, перчатки, перстни, вазы, бантики, духи, бусы, монетки, колечки – можно долго перечислять всё то, что помогает влюблённой женщине вспоминать о минутах счастья и мечтать.

«РУБАШКА В ЦВЕТ ТВОИХ ГЛАЗ»:

*Я купила тебе в подарок рубашку голубого цвета,
в цвет твоих глаз, как небо.
Ты далеко – там, где небо всегда голубое, как твои глаза.
Там тёплое море и горячий песок, и жаркое солнце.*

*От солнечных лучей лицо твоё потемнело,
а глаза стали совсем светлыми, нелепыми голубыми.
Я потеряла счёт дням и ночам, прожитым без тебя, я зябну.
И только, когда ты вернёшься,
и я увижу в глазах твоих небо и солнце –
мне станет тепло, горячо, жарко.
И я подарю тебе рубашку в цвет твоих глаз.
Ты будешь смотреть на меня, застёгивая пуговицы снизу вверх.
Оставишь ворот нараспашку, закатаешь рукава до локтя.
Голубая ткань оттенит золотисто-коричневый загар твоей кожи.
Ты обнимешь меня, и я захохочу от счастья, и засмеюсь, и заплачу.
И ты поцелуешь мои мокрые глаза.
И я растегну, все до одной, пуговицы на твоей рубашке.*

Лирика Ольги Харламовой очень разнообразна. Здесь и верлибры в духе «Александрийских песен» Михаила Кузмина, и персонификации в духе Высоцкого («Ведьма», «Рыжая кошка», «Монолог дворовой собаки», «Монолог дворовой кошки»). Есть и монолог, обращённый к неодушевлённому предмету – в стихотворении «Микрофон»: «Я заклиная змея. / Смотрю в гортань ему, / от ужаса немея, / на связки резко жму»). Представлены в сборнике и песенные тексты, и другие стихотворные жанры.

В целом, я бы отнёс стихи Ольгу Харламовой к неоромантизму. Обращает на себя внимание особенность поэтики Ольги. Мысль у неё часто на рифме не заканчивается и переносится в строчку ниже. Стихи Харламовой убеждают нас, что через одну тему – любовь – можно писать обо всём на свете, даже о войне:

*Таёт снег, да не скоро растает,
а войне скоро ль будет конец?
В талой луже кораблик пускает
наш с тобой сорванец.*

*Невредим будь.
И пусть тебя встретят,
и еды принесут, и питья,
приглубят тебя и приветят –
это я. Это – я!
(«Таёт лёд и на линии фронта»)*

Это стихи из книги 2007 года «Женский календарь», а как свежо воспринимаются, будто написаны вчера! В таких стихах важен эффект присутствия. Арсений Тарковский пишет в стихотворении «Зегзица» о том, как он ходил в поход вместе с князем Игорем. Личное присутствие помогает автору приблизить к нам относительно далёкие события. Именно так, с эффектом личного присутствия, пишет о событиях давно минувших дней Ольга Харламова. И меня это впечатляет даже больше, чем в случае с Тарковским: тот ведь и сам воевал, но на другой войне, а Харламова пишет ассоциативно, «с чистого листа»:

*Лишь ордена и медали
той сумасшедшей весны
помят, как мы воевали,
как не вернулись с войны.
Мчатся составы столетий,
а фронтовые друзья
и нерождённые дети
смотрят из небытия.
(«Весна сорок пятого»)*

Ольга Харламова – поэт Москвы. Сретенка, Арбат, Пресня, Петровка, Садовое кольцо, Покровка, Бульварное кольцо – по её стихам можно изучать топонимику города. Впрочем, ничего удивительного в том, что поэт пишет о любимом городе, в котором живёт, нет.

*Наше неприкаянное лето
Обогнёт Садового сада,
И дузу Бульварного сонета
изогнёт подковой у воды.*

*Наше неприкаянное лето!
Это лето подарил мне ты.*

«Поэзия Ольги Харламовой – рандеву с реальностью, где история непоправимыми шрамами рассекла душу», – написал о творчестве Ольги Харламовой известный критик Лев Аннинский. Здесь как раз я с Аннинским не согласен – в стихах Харламовой есть всё что угодно, но непоправимости и близко нет, благодаря счастливым особенностям её характера. Она и «на земле стоит двумя ногами», и всё время парит в небе любви. В стихах Ольги есть, конечно, и минор, но мажор – преобладает. Радость жизни, её приятие («узнаю тебя, жизнь, принимаю», как говорил Блок) смягчают удары судьбы. Творчество помогает легче переносить такие обстоятельства, в которых другой человек мог бы сломаться. Солнечной лирике Ольги свойственны пушкинская лёгкость и задорность: «Ворожи мне, ворожея, / привораживай скорее». Элементы народного фольклора делают её поэтическую речь яркой и узнаваемой.

*И когда глубоко за полночь
засидишься уже всерьёз,
соскользнёт ненароком обруч
с шелковистых моих волос,
и не будет тебе спасенья,
захлестнёт волной до утра...
Понимаешь ли, Песня Песней –
не компьютерная игра.*

Мы видим, что в стихах Ольги есть и юмор, порой с элементами сарказма: «комаров кормить пойду». Есть в них и философия житейской мудрости («чтобы кто-то родился, / кто-то должен уйти», «воскресить не поможет / даже сила любви»). Поразило стихотворение Ольги «Сродники».

*Сегодня видела их всех,
они сидели за столом,
их вздохи слышала, и смех,
и разговоры о былом.
Они общались меж собой
без лени и суеты,
с какой-то высшей простотой,
но были их глаза пусты:
ни чувства луч, ни блеск идей
глазниц не отражала гладь,
и захотелось мне скорей
застолья этого бежать.
Зажечь свечу «за упокой»
всех сродников, кого уж нет.
И окунуться с головой
в мир, полный всяческих сует.*

Я уже писал о новом бродячем сюжете в русской поэзии начала XX-го века, когда мёртвые сидят с живыми за одним столом, в статье «Я – жизнь, пришедшая на ужин»: <https://ursp.org/index.php/proizvedeniya/item/4306> («Южное Сияние». №2, 2022). Об этом есть стихи у Ахматовой (Новогодняя баллада), у Кузмина («Второе вступление к поэме «Форель разбивает лёд»), у Тарковского («Стол накрыт на шестерых...») и у Цветаевой («Всё повторяю первый стих...»). Ольга Харламова влетает свой голос в этот мысленный ряд замечательных русских поэтов. Я не думаю, что она планировала это заранее. Но её ведовство сделало возможными эти стихи.

Любовь у Ольги – чувство энергичное и бесстрашное. Её героиня не ждёт у моря погоды, а идёт и действует, хотя и знает, что любовь – это страна метаморфоз, в которой нежность то и дело оборачивается снежностью. Многие стихи Харламовой посвящены противостоянию красоты неумолимому времени. И, может быть, не случайно издательство, в котором вышла книга, тоже называется «Время».

«Затягивает время / меня в круговорот / и свой, / несообразный / с моим, / диктует ход – / ползёт и ускользает, / не терпит и не ждёт, / то в дрожь, то в жар бросает / и бьёт из года в год». Любовь у Харламовой то молитвенна, то сладострастна: «Накопила соты сладости, / мой медовый, для тебя». «Тетиву натягивая медленно, / открывая свой победный тур, / прямо в сердце, / сердце моё бедное, / голенький нацелился Амур». В сущности, вся лирика Ольги Харламовой, в прямом и переносном смысле – это «перелётные письма любви». Книга вызывает массу эмоций – значит, она удалась.